

Изъ архива князя Л. А. Ухтомскаго¹⁾.

10-е октября²⁾.

Говорятъ, что Нахимовъ ужасно разсердился, услыхавъ, что я хочу выйти въ отставку. Забавны, право, эти люди! Ежели они сдѣлались рабами, такъ хотятъ и другихъ лишить свободы. Напрасно называть это громкими именами неблагодарности и проч., и проч. За меня въ корпусѣ платили деньги, и я никому ничѣмъ не обязанъ. Въ этомъ заключается моя гордость. На прощанье цѣлую перчатку К. и ложусь спать.

6 или 7 ноября.

„Много измѣнилось съ того времени. Я уже уѣхалъ изъ Севастополя. Теперь сижу дома, въ отпуску. Но все случилось какъ-то неожиданно. Послѣднее время я былъ въ разладѣ самъ съ собою, я былъ влюбленъ страшно и уѣзжалъ отъ К. Во мнѣ осталось на столько разсудка, чтобы понять, что пора было уѣзжать: иначе я надѣлалъ бы глупостей. А потому всѣ хлопоты, всѣ приготовления къ дорогѣ шли какъ-то машинально. До послѣдней минуты я еще не зналъ навѣрное, поѣду ли. И потомъ, въ первые дни дороги, я еще не вѣрилъ, что это—дѣйствительность. Мнѣ казалось, что я гдѣ-нибудь за городомъ, что черезъ полчаса я ворочусь. Въ первое утро я задремалъ на перекладной. Открываю глаза: вдали горы; утренній туманъ, какъ море, разстилался у ногъ ихъ;

¹⁾ См. „Русская Старина“ апрѣль 1911 г.

²⁾ 1851 г.

изъ среды этого фантастическаго моря—хутора, съ ихъ тополями. Какъ я обрадовался, воображая, что ѣду назадъ!—Вся моя жизнь, мои воспоминанья, моя первая любовь, прощанье и нашъ послѣдній разговоръ были еще такъ живы въ моей памяти! Я былъ такъ тѣсно связанъ съ Севастополемъ, что до самаго Екатеринослава думалъ, что вернусь назадъ. Непривычка къ дорогѣ, попеременные то холодъ, то жаръ, усталость мѣшали мнѣ думать о ней. Во все это время я почти не спалъ, потому что ѣхалъ день и ночь. Однажды, на станціи, я задремалъ. И вижу, что мы вмѣстѣ, что мы опять счастливы другъ съ другомъ.. Не буду говорить о всѣхъ непріятностяхъ въ дорогѣ. Погода дурная, холодно, скучно. Иногда я увлекался быстрой ѣздою; глаза горѣли, я весь оживалъ—и мы всѣ—съ ямщикомъ, лошадьми, экипажемъ были словно какое-то новое, оживленное существо, которое летѣло—легко, смѣло и свободно. И не видно было конца этому... Я помню, послѣднія сутки дороги я былъ счастливъ: мое желаніе было близко къ исполненію; мы ѣхали скоро. Тяжелыя, снѣжныя облака смѣнили дождь. Они тихо, неправильно толпились надо мною, какъ новыя дѣти Борея, готовыя упасть на землю и покрыть ее бѣлымъ саваномъ. Я всматривался въ ихъ движеніе; мнѣ казалось, что я понимаю ихъ жизнь. И мнѣ дѣлалось странно за себя, осыпаннаго мятелю. Но вотъ проглянулъ чистый, лазурный клочекъ южнаго неба—и явленіе его было такъ отрадно, какъ будто добрые ангелы явились тамъ и сдержали черныя тучи, готовыя упасть на меня. Дунулъ послѣдній холодный порывъ вчерашняго вѣтра, и страшныя облака, поднявшись выше, ушли на горизонтъ. Осеннее солнце проглянуло изъ-за тучъ и освѣтило всѣ предметы какимъ-то матовымъ, мягкимъ свѣтомъ,—представлявшимъ изъ себя нѣчто среднее между луннымъ и солнечнымъ: зелень хлѣбовъ, голыя березки, желтыя нивы озарились какимъ-то волшебнымъ блескомъ. Чѣмъ ближе я былъ къ дому—тѣмъ волненіе мое становилось больше. Мнѣ сдѣлалось дурно. Почувствовалъ холодъ, открываю глаза: звѣзды блестятъ надо мною (ночи передъ этимъ были дождливы и холодны). Но вотъ и конецъ адской, утомительной дороги. Колокольчикъ остановился у дома. И черезъ минуту я обнялъ своихъ родныхъ“.

14 ноября.

„Что мнѣ описывать, какъ проводилъ это время! Давно я не жилъ настоящимъ и потому время прошло, какъ мигъ. Я даже ни разу не вспомнилъ о К. и только вчера скучалъ и грустилъ цѣлый вечеръ... Любовь моя охладѣла теперь... Говорятъ, послѣ моего отѣзда она бредила много, впала въ горячку; узналъ отецъ и были

страшныя сцены... Что же я намѣренъ дѣлать?—Въ перспективѣ у меня жизнь съ братомъ, котораго я люблю, который будетъ для меня другомъ. А дальше—свободная кочующая жизнь, въ которой только поэзія“.

19 или 20 ноября.

„Что можетъ быть непріятнѣе—видѣть въ семействѣ женщину, злую, подъ конецъ жизни сумасшедшую ¹⁾, отъ которой терпѣть весь домъ! Но это чувство усиливается, если прибавить, что то была моя мать. Вчера я слышалъ безконечные рассказы объ ея гадостяхъ, злости, и вижу теперь, что, несмотря на все отдаленіе отъ насъ, ежели есть въ насъ что-либо хорошее, то это отъ него... Право, моя участь, кажется,—всегда увлекаться мечтами и потомъ видѣть ихъ разрушеніе. Еще одной мечтою меньше. Давно ли я рисовалъ себѣ картины сельской жизни, въ кругу родныхъ, среди тихихъ занятій. Теперь я живу этой жизнью. И что же? Не прошло и двухъ недѣль, какъ она мнѣ уже надоѣла; я начинаю скучать, утромъ, послѣ чая, читаю какую-нибудь книгу—до завтрака; потомъ дѣлаешь что-нибудь до обѣда. Далѣе кое-какъ протянешь до чаю, а тамъ займешься чѣмъ-нибудь до ужина. Потомъ—и спать. Все—неопредѣленно, вяло, безжизненно донельзя. Осень на дворѣ; пасмурно, тихо; въ домѣ тоже нигдѣ не видать движенія. Всякое лицо, прошедшее мимо оконъ, возбуждаетъ всеобщее любопытство; всѣ мелочи извѣстны и не укроются, даже появленіе у крыльца чужой собаки. Мнѣ понятно теперь, отчего всѣ опускаются въ деревнѣ и ѣдятъ, ѣдятъ каждую минуту. Конечно, изъ этого не слѣдуетъ, что непременно всѣ такъ же живутъ въ деревнѣ. Развѣ я занимался какими-нибудь сельскими работами, какъ предполагалъ прежде?! Развѣ я входилъ въ жизнь поселянъ, какъ думалъ прежде?! Имѣю ли я какое-нибудь понятіе о сельскомъ хозяйствѣ, ботаникѣ и прочихъ наукахъ, такъ отрадныхъ въ деревнѣ? А ежели бы я имѣлъ о нихъ понятіе, то развѣ я примѣнялъ бы ихъ къ дѣлу? Конечно, моя мечта потеряла уже много процентовъ отъ дѣйствительности“.

30 ноября.

„Отецъ служитъ для меня живымъ примѣромъ. Сначала онъ дѣлалъ разныя упущенія, считалъ ихъ вздорными и которыя легко бросить, когда захочется. Но случилось иначе: онъ втянулся въ свои привычки и теперь, можетъ быть, сознавая ошибки и видя невозможность поправить ихъ, боится довѣриться кому-нибудь, а

¹⁾ Пропускаю еще одно, слишкомъ рѣзкое выраженіе князя.

А. Жиркевичъ.

также изъ страха, чтобы не выгнали изъ дому ее ¹⁾. Всѣ мы (и я— въ особенности) питаемъ презрѣніе къ ней, ненависть; не могу говорить о ней хладнокровно. Конечно, на нее онъ (отецъ) тоже тратитъ и, слѣдовательно, обманываетъ насъ. Все это—непріятно, тяжело. Но я не жалѣю, что пріѣхалъ: неожиданно соберется все наше семейство и тогда будетъ окончательный взглядъ на все и всѣхъ. Да, я многого жду отъ новаго года. Каждая изъ сестеръ говорила, что столько вынесла здѣсь, что рада бѣжать куда-нибудь и бросить все, чтобы не слышать и не видѣть. Я съ ними согласенъ. Мое мнѣніе такое, что ежели домашнія дѣла не измѣнятся, то я тоже никогда не пріѣду домой. Наконецъ я сдѣлалъ предложеніе, что ежели все останется по-прежнему, то послѣ объясненія съ отцомъ, взять каждому брату по сестрѣ и уѣхать: пусть живутъ, какъ знаютъ, и дѣлаютъ, что вздумается, не марая насъ. Мое предложеніе принято. А очень можетъ быть, что все останется по-старому. Мы не можемъ защищать хорошо своего дѣла потому, что онъ (отецъ) знаетъ одинъ всѣ дѣла. Связь ихъ зашла, можетъ быть, также слишкомъ далеко. Какъ знать, можетъ быть, они уже обвѣнчаны тайно!... Исторія продажи лѣса, вообще управленіе, отчеты по опека—все очень темно. Какъ мои мнѣнія измѣнились!— Давно ли я питалъ презрѣніе къ деньгамъ? А теперь эти дѣла возмущаютъ, огорчаютъ меня, потому, что кромѣ интереса, я потерялъ уваженіе и любовь къ человѣку, который достоинъ того и другого“.

2 декабря.

„Мнѣ пришла счастливая мысль описать всѣхъ, составляющихъ наше семейство. Начнемъ съ отца. Въ двадцатыхъ годахъ онъ вышелъ въ отставку изъ гусаръ; на 38 году жизни женился, но былъ наказанъ за то, что хотѣлъ богатства. Жена его была женщина злая, подверженная сумасшествію... мучила свое семейство, крестьянъ. Его характеръ—добрый, благородный, мягкій. А потому, онъ былъ вторымъ лицомъ въ домѣ. Не знаю, долго ли продолжался ихъ медовый мѣсяцъ; но, сколько я помню, у нихъ были безпрестанныя ссоры, сцены, которыя вредно вліяли на насъ. И потому, въ дѣтствѣ, никто изъ насъ не можетъ припомнить пріятныхъ минутъ. Но страхъ, наказанія, всевозможныя лишенія оставили на каждомъ изъ насъ свои слѣды. Домашній деспотизмъ матери былъ такъ силенъ, что до сихъ поръ содрогаешься при одномъ воспоминаніи. У отца были тоже свои недостатки, напримеръ, его страсть къ картамъ. Сколько проиграно денегъ, какъ

¹⁾ Особу, которая смѣнила мать автора записокъ.

разстроено черезъ это наше состояніе—вообразить не трудно. Но вотъ умерла мать, и началось счастливое время для нашего семейства. Общая любовь, довѣріе другъ къ другу, веселье и радость не оставляли ихъ круга. Казалось, самъ ангель слетѣлъ, чтобы утѣшить ихъ за прежнія страданія. Но это счастливое время продолжалось недолго. Человѣкъ, привыкнувшій къ рабству, не въ состояніи былъ пользоваться свободой. То была гувернантка моей младшей сестры, женщина хитрая, ласковая, которая сумѣла вовлечь старика въ свои сѣти: трудно повѣрить искренности любви съ ея стороны—ему около 70, а ей—двадцать!—И чѣмъ мягче, нѣжнѣе эти сѣти—тѣмъ онѣ сильнѣе оковали его, особенно послѣ прежняго деспотизма матери.—Начало сдѣлано, и зло идетъ теперь скорыми и твердыми шагами. Положивъ пятно на свое семейство этой связью, онъ поневолѣ долженъ былъ удалиться отъ него. Къ тому же случились въ хозяйствѣ разныя несчастія, упущенія съ его стороны. Наконецъ, слабость здоровья и характера много способствовали разстройству дѣлъ. А тутъ надо заплатить дань новой страсти—и положеніе стало самое жалкое, непріятное.

Могутъ возразить мнѣ, что я здѣсь противорѣчу самъ себѣ, отвергая свободное соединеніе любящихъ. Нѣтъ, тутъ дѣло другое. Человѣкъ, у котораго есть семейство, долженъ забыть себя, свои потребности, прихоти и жить только для дѣтей. Ежели онъ устроилъ совершенно ихъ участь, ежели въ этомъ дѣлѣ совѣсть не говоритъ противъ него,—тогда дѣлай, что хочешь, тогда онъ свободенъ. Иначе онъ—должникъ, вѣчный и неоплатный. Не дай Богъ быть на его мѣстѣ! Поступки его скрыты, нерѣшительны; онъ видитъ, что ему не въ силахъ справиться и, въ то же время, боится довѣриться кому-нибудь изъ насъ—изъ ложнаго стыда, изъ опасенія, чтобы не прогнали ее.

Старшій братъ нашъ, отданный въ инженеры, оттуда попалъ въ юнкера, на Кавказъ, гдѣ натерѣлся, какъ видно, разныхъ невзгодъ, былъ шесть лѣтъ юнкеромъ, участвовалъ въ сраженіяхъ, былъ въ Венгерской кампаніи. Недавно мы сидѣли за чаемъ. Вдругъ вбѣгаетъ какой-то неизвѣстный офицеръ, цѣлуется съ отцомъ и называется нашимъ братомъ. Никто изъ насъ не хотѣлъ вѣрить. Послѣ 12-и лѣтъ онъ перемѣнился. Мы считали его высокимъ, стройнымъ, а онъ оказался маленькимъ и неуклюжимъ. Однимъ словомъ, первое впечатлѣніе было не въ его пользу. Еще прежде, по письмамъ, мы видѣли въ немъ странности: какое-то отчаяніе въ жизни. Мы имѣли дурное понятіе объ его жизни, а потому, думая его оставить помощникомъ дома, намъ любопытно было посмотрѣть, что это за человѣкъ. Вдобавокъ, онъ уже подалъ въ отставку и волей-

неволей останется дома противъ желанія отца... Завтра мы ѣдемъ въ Калугу, на балъ къ губернатору, и онъ не шутя ищетъ себѣ въ невѣсты богатую купчиху. Я не могу понять, какъ можно жениться по заказу. Вотъ провозженіе моего времени. Утромъ, еще темно, всѣ спятъ. Сяжу за Евангеліемъ. Потомъ политика. А вечеромъ—на балъ... Какія противоположности“...

И подобныхъ, искреннихъ, частью дѣтски—наивныхъ, страницъ не мало въ дневникахъ юнаго моряка. Дневникъ это—интимный другъ его, съ которымъ онъ ведетъ откровенныя, долгія бесѣды, которому признается даже въ такихъ мелочахъ, какъ встрѣча съ продажной красавицей въ захудалой Калугѣ... вызвавшая въ молодой душѣ разочарованіе, угрызенія совѣсти. Отъ этихъ признаній, исповѣдей вѣетъ неспорченной, чистой, мечтательной, цѣломудренной натурою—вопреки тѣмъ страницамъ, гдѣ князь старается убѣдить себя въ томъ, что онъ падаетъ, даже погибъ уже, нравственно... И, по-прежнему, авторъ мемуаровъ имѣетъ въ виду будущаго ихъ читателя, уже вѣрнѣй сказать—читательницу...

До меня не дошли журналы кн. Ухтомскаго за 1852 годъ, а за 1853 годъ сохранилась въ его архивѣ лишь одна тетрадь. Изъ нее, однако, видно, что жизнь дѣлала—тоже свое дѣло, понемногу обращая барича-философа въ служаку, какъ-бы подготавливая его къ испытаніямъ, которыя ждали его вскорѣ при Севастопольской оборонѣ. Вдали раздавался уже громъ надвигающейся военной грозы, вспыхивали молніи орудійныхъ выстрѣловъ... Начавшаяся Крымская кампанія заставляетъ молодого моряка чаще и чаще забывать личныя, минутныя увлеченія, оставлять близкихъ, друзей, любимую книгу—во имя болѣе высшихъ интересовъ—интересовъ Родины, флота, русскаго народа... Но и тутъ, со страницъ дневниковъ почившаго, постоянно выглядываетъ на читателя прежній мечтатель, поэтъ, вздыхающій объ уютномъ уголкѣ, о женской ласкѣ, объ интимной, дружеской бесѣдѣ съ интересной книгою, чуждый кровожадныхъ инстинктовъ войны, мягкій, гуманный и нравственно опрятный... А, между тѣмъ, начавшееся въ Черномъ морѣ крейсерство грубо напоминаетъ князю о прозѣ жизни, о звѣрскихъ инстинктахъ, о беспощадныхъ условіяхъ военнаго времени... И онъ старается забыться...

Приведемъ нѣкоторые отрывки дневниковъ князя за этотъ, 1853, годъ.

„Дѣйствительно, Черное море шумитъ и, къ нашему общему неудовольствію, шумитъ очень сильно. Три ночи сряду—гроза и проливной дождь. Огромный прибой разбивается о берегъ и разсы-

пается фонтанами водяной пыли, отчего на рейдѣ—страшный шумъ. Скучно. Даже окрестные виды, при дурной погодѣ, потеряли свою прелесть и нахмурились“.

„Легкая полоса сѣверо-восточнаго вѣтра едва подвигаетъ насъ впередъ; море—спокойно; небо стало заволакиваться тучами; вершины прибрежныхъ горъ и ущелья покрылись туманомъ. Все тихо на небѣ и на землѣ, какъ въ сердцѣ ребенка во время утренней молитвы. Ни на землѣ, ни въ воздухѣ не видно живого существа: кажется, природа задремала. Такое состояніе располагаетъ къ мечтательности. Я склонился на бортъ и слѣдилъ за стадами морскихъ рыбъ, которыя, обгоняя нашъ бригъ, казалось, смѣялись надъ его неповоротливостью. А, между тѣмъ, услужливая фантазія переноситъ меня подъ мирный кровъ родного дома—и мнѣ тепло, хорошо, безопасно у домашняго очага. Но вотъ картина перемѣняется: небо покрыто черными тучами; молнія блещетъ; вѣтеръ рветъ воду и валъ набѣгаетъ на нашъ фрегатъ, грозя разбить его въ дребезги. Но онъ промчался. Промчались и многіе опасные валы. А нашъ фрегатъ—цѣлъ и невредимъ. Опять перемѣняется декорация. Небо чисто и ясно; солнце жжетъ своими лучами. Я на берегу. Я могу спрятаться отъ зноя въ кипарисовой рошѣ—и оттуда любоваться на зеркальную поверхность моря... Я вижу себя въ Италиі, въ странѣ, которая всегда составляла предѣлъ моихъ мечтаній. И много, много подобныхъ грезъ пронеслось въ моемъ воображеніи, не оставивъ ни малѣйшаго слѣда, какъ...“

„Легкій паръ вечернихъ облаковъ:

Едва блеснутъ—ихъ вѣтеръ вновь уноситъ.

Зачѣмъ они? Откуда? Кто ихъ спроситъ?“...

Но я не намѣренъ сообщать вамъ моихъ сновидѣній, такъ какъ они были, по большей части, романтическаго свойства... Романтизмъ—на морѣ, на высотѣ Новороссійска, не можетъ имѣть мѣста“...

„Между тѣмъ, какъ я писалъ эти строки, горизонтъ покрылся сплошной массою сѣрыхъ тучъ, вѣтеръ, сначала ровный, сталъ замѣтно свѣжѣть; не болѣе, какъ въ полчаса развело зыбь; мракъ увеличивался съ каждой минутой. Усиливающіеся порывы вѣтра переходятъ въ штормъ. Зеленая, пѣнистая волны поднимаются выше борта нашего бѣднаго брига, который, скрипя и покачиваясь съ боку на бокъ, то ныряетъ и, кажется, хочетъ измѣрить глубину морскую, то поднимается гордо на самый хребетъ вала. Мы убавили парусовъ и, скрывшись въ Пицунду, бросили якорь на 17½ сажень глубины... Пицунда! Пицунда! Я люблю этотъ маленькій мысъ, покрытый соснами: онъ такъ напоминаетъ мнѣ мою родную

страну! Теперь, впрочемъ, не до воспоминаній: вѣтеръ шумитъ, дождь льетъ ливнемъ,—море бурлитъ и укачиваетъ насъ, какъ разсерженная, нетерпѣливая мать, качающая своего капризнаго ребенка... На землю спустилась темная, мрачная ночь“...

Наканунъ Троицы. (Крейсерство).

„Какъ ни говорите, а въ войнѣ и ея ожиданіи есть своего рода увлекательность—когда еще молодъ, когда силы еще свѣжи, и особенно при моихъ наклонностяхъ—вдаваться въ опасности и приключенія. И замѣтите, въ какое чудное время мы живемъ, какъ обширна перспектива моряка! Тамъ—возрожденіе Сибири и ея портовъ подъ управленіемъ Муравьева. (Странно, къ нѣкоторымъ людямъ, не зная ихъ, чувствуешь довѣренность. Къ такимъ именамъ принадлежатъ: Муравьевъ, Воронцовъ, Долгорукій, Раевскій, Перовскій и еще немногіе). Дальше, на Аральскомъ морѣ,—описи, судоходство и въ виду—Индія. На Волгѣ и на другихъ рѣкахъ пароходство усиливается съ каждымъ годомъ. Тутъ нашъ фрегатъ въ крейсерствѣ у береговъ Турціи, отъ которой мы, кажется, не мало требуемъ. Между славянскими племенами мы увеличиваемъ свое вліяніе и заранѣе приучаемъ ихъ къ своему владычеству. И какъ явно наше стремленіе къ осуществленію всемірной славянской имперіи!.. Чувствуешь особенную гордость, участвуя въ этихъ великихъ событіяхъ и своими трудами хоть сколько-нибудь содѣйствуя великой цѣли. Но пора бы сказать что-нибудь о нашемъ крейсерствѣ, о нашей жизни на морѣ, о командѣ и въ особенности о командирѣ.

„Теперь мы въ крейсерствѣ и караулимъ появленіе непріятеля. Время идетъ очень однообразно. Извѣстій — никакихъ. Объявлена ли война? Конченъ ли разрывъ? Никого не встрѣчаемъ, кромѣ иностранныхъ купцовъ, идущихъ за хлѣбомъ въ Одессу или Таганрогъ. Каждый день—ученье, играетъ наша музыка; вечеромъ юнкера иногда танцуютъ, изъ матросовъ наряжаются въ какіе-нибудь уродливые костюмы. Но мнѣ и всѣмъ уже это надоѣло. Въ самомъ дѣлѣ, въ продолженіе 50 дней ничего не видѣть, кромѣ воды и неба. Ходишь безъ цѣли: наскучить. И ежели бы не нашъ капитанъ, то жизнь была бы невыносима, хуже тюрьмы. Да, надобно сказать правду, что такого опытнаго и дѣльнаго командира и въ то же время такого прекраснаго человѣка, не скоро найдешь, какъ нашъ Николай Максимовичъ Гувениусъ. Онъ достоинъ уваженія уже потому, что смотритъ на матросовъ, какъ на людей, съ которыми можно сдѣлать много хорошаго безъ палки. Вслѣдствіе этого

наша команда уже переѣнилась во многомъ; люди сдѣлались веселѣе, развязнѣе противъ прежняго. По отношенію къ офицерамъ, надо сказать, самый взыскательный изъ насъ не нашелъ бы причинъ жаловаться на Николая Максимовича: столько деликатности въ его обращеніи, такое умѣнье держать себя, что, право, я его уважаю и люблю.

Только подъ его командою я испыталъ удовольствіе—стоять вахту (которая для меня до сихъ поръ была наказаніемъ), потому, что въ немъ столько еще жизни, что онъ безпрестанно дѣлаетъ разныя полезныя примѣненія: всегда чему-нибудь научишься. Это очень рѣдко между капитанами. Впрочемъ, на бригѣ имъ кажется, были недовольны. Конечно, нельзя хвалить человѣка, съ которымъ служилъ только три мѣсяца; но ежели онъ и носитъ маску, то все-таки человѣкъ удивительный, потому что до сихъ поръ очень мало измѣнилъ своей роли“.

12 іюля.

„Съ нѣкотораго времени я замѣчаю въ себѣ значительную переѣну: чувства, которыя такъ долго мучили, волновали меня, исторія которыхъ наполняетъ 17-ю тетрадь моего журнала, начинаютъ улегаться, или, вѣрнѣе, разсудокъ подавилъ ихъ. Чѣмъ же я успокоилъ ихъ? Занятіями, службою. Миѣ даже кажется, что чувства мои волновались единственно отъ праздности. Уже давно я думалъ о своемъ переводѣ изъ флота, гдѣ служба миѣ не нравится (такой, какою она есть) и къ которой я не нахожу въ себѣ способностей. Но куда же? Въ отставку. Деревенская жизнь, праздная и съ моею склонностью къ лѣни убьетъ меня въ короткое время... Конечно, во флотѣ я не изъ лучшихъ офицеровъ“...

10 іюля.

„Вчера мы смѣнились съ крейсера и легли на Севастополь. Попутный вѣтеръ. Всевозможные паруса. Все ожило; лица улыбаются. Уже не будетъ вокругъ только одна вода. Берегъ. Письма. Разнообразіе. Чудо что такое!!..

Послѣ обѣда я легъ спать; но сонъ, противъ обыкновенія, бѣжалъ отъ глазъ. Меня мучила мысль — описать наше плаваніе, дать понятіе о нашей морской жизни, гдѣ люди совершенно отдѣлены отъ остального міра. И миѣ стало досадно на себя, зачѣмъ я не велъ ежедневнаго журнала, чтобы послѣдовательно изобразить ученія, занятія офицеровъ вечеромъ, взгляды ихъ на команду, ихъ способности, увеселенія, маскарадъ; музыка; приходъ парохода; встрѣча съ другимъ крейсеромъ; новости; предположенія; красота морскихъ видовъ; мысли, которыя родятся при этомъ; тихая поэзія,

мечты и проч.; ожиданіе писемъ изъ Россіи; воспоминавія о родинѣ; политическія извѣстія, мнѣнія. Мнѣ стало досадно, что я не обладаю способностями художника, чтобы вѣрно и легко схватить эти черты и передать ихъ на бумагу. Если бы послать статью въ какой-нибудь журналъ, я думаю, что многіе прочли бы ее съ интересомъ, особенно, когда флотъ дѣлается извѣстенъ, а у насъ, въ Россіи, имѣютъ о немъ почти отрицательное понятіе. Къ тому же чѣмъ мое письмо будетъ хуже „письма съ острова Мадеры“, гдѣ описаніе берега слишкомъ безцвѣтно и незанимательно, а самое описаніе морской жизни во многихъ мѣстахъ даже жалко!“...

9 октября.

„Сегодня, въ 8 час. утра, при ровномъ и попутномъ вѣтрѣ, мы снялись¹⁾ и до 6 ч. вечера—увы!—не дошли даже до Новороссійска. Около него по берегу горы идутъ волнообразными холмами; на нихъ видны обработанныя поля горцевъ, ихъ сакли, окруженныя садами, и стада. Мы были противъ ущелья Дюрзгоо.

— „Вотъ здѣсь—сказалъ нашъ шкиперъ—живетъ какой-то князь и сюда, года два тому назадъ, зашелъ нашъ донской казакъ, сочтя это мѣсто за Геленджикъ. Лодка его была небольшая, съ грузомъ 400 четв. овса. Къ несчастью, наши купцы такъ мало знаютъ берегъ, что хозяинъ совершенно спокойно съѣхалъ. Но его заблужденіе продолжалось недолго: горцы схватили его, судно взяли, вытащили на берегъ, овесъ выгрузили; людей взяли въ плѣнъ, а лодку сожгли. „Это намъ Богъ послалъ подарокъ“, говорили они.

— И они не заступились?—спросилъ я.

— „Да гдѣ же!—отвѣтилъ онъ—ихъ было всего четверо человекъ, вооруженія никакого. Извѣстно, что они и на Кавказѣ, около непріятельскаго берега, также безпечны, какъ около Дона“.—„Изъ нихъ спасся—продолжалъ онъ—одинъ только жидъ. Когда горцы стали дѣлать желѣзо, то онъ развѣшивалъ имъ поровну на контарѣ. Они за это не только отпустили его на волю, но даже проводили до Анапы; а остальныхъ выкинули послѣ“.

— „Другой, тоже нашъ донецъ, шелъ изъ Сухума въ Керчь. У него было 27 человекъ плотниковъ. Вѣтеръ былъ противный и, желая спуститься въ Геленджикъ, онъ попалъ въ фальшивый Геленджикъ. Ну, сильный прибой, открытое мѣсто: его выкинуло на берегъ. А тутъ ужъ горцы не зѣваютъ: всѣхъ забрали. Потомъ уже нѣкоторыхъ выкупили“.

— „Что же они тамъ дѣлали?“

¹⁾ На купеческомъ суднѣ „Св. Николай“.

— „Да что дѣлали! Дрова рубили, воду носили. Куда-нибудь пошлютъ на работу и дадутъ въ провожатые мальчишекъ, чтобы кто не убѣжалъ“.

— „И много пропало ихъ—прибавилъ онъ, махнувъ рукою—о, да лѣтъ 20 тому назадъ эти разбойники далеко заходили въ море, на вооруженныхъ галерахъ, человѣкъ по 60-ти или 70-ти, и нападали на наши суда, такъ что за доставленіе провіанта въ редуты брали по 12 р. съ четверти, а въ Николаевъ—по 15 р. Покойный графъ Ланжеронъ и предложилъ Государю купить 16 купеческихъ судовъ, посадить на нихъ матросовъ, и такимъ образомъ доставляли уже провіантъ изъ Керчи. И то, на первыхъ порахъ, горцы захватили три изъ нихъ: одно около Новороссійска, другое въ Варданъ, а третье пропало неизвѣстно гдѣ“.

Идя въ море, я сдѣлалъ большую ошибку, что не запасся провизіей, и потомъ раскаявался, что понадѣялся на шкипера, а онъ, какъ оказалось, былъ человѣкъ неприхотливый. Со мной былъ самоваръ, чашка; сахаръ и чай были у него, но чайника не было, и мы принуждены были пить чай, кладя его прямо въ самоваръ! просто—хохотъ! Нашъ обѣдъ въ первые четыре дня состоялъ изъ щей и каши. Какъ то, такъ и другое было самага негастрономическаго приготовленія и даже недоваренное. Со мною было нѣсколько бутылокъ вина, и тѣ, по неосторожности, разбились. Остались всего двѣ бутылки, которыя я берегъ, какъ рѣдкость. Обыкновенно около полдня, на широкой и низенькой скамьѣ, накрывали вмѣсто скатерти кусокъ грязной парусины; мы садились втроемъ за столъ и начинали свою скромную трапезу. По средамъ и пятницамъ щи варились съ постнымъ масломъ, а каша—съ саломъ. Сначала я не могъ привыкнуть къ этой грязной обстановкѣ, но потомъ морской воздухъ и аппетитъ выздоравливающаго взяли свое. Завтракъ состоялъ изъ вяленой тарани, жесткой и крѣпкой, какъ подошва.

Во время перехода много рассказывалъ нашъ старикъ (шкиперъ), говорилъ о томъ, какъ населился Новороссійскій край бѣглецами изъ Россіи; особенно много бѣжало въ двѣнадцатомъ году къ Дунаю. Всѣ камыши были полны ими. Отъ одного помѣщика бѣжало шесть тысячъ крѣпостныхъ и въ числѣ ихъ двѣ горничныя, которыя унесли съ собою 7 тысячъ червонцевъ и много дорогихъ вещей. Онѣ явились въ Измаилъ. Помѣщикъ обратился къ военному генераль-губернатору и, получивъ отъ него открытый листъ, отправилъ 6 человѣкъ надежныхъ, для арестованія ихъ. Люди его, послѣ долгаго розыска, нашли этихъ дѣвокъ въ Измаилъ и посадили ихъ въ полицію. Тѣ отдавали всѣ деньги, чтобы отпустили ихъ; но посланные отказались и, взявъ ихъ съ собою, отправились. Секре-

тарь же подослалъ людей, которые за городомъ напали на нихъ, переломали имъ руки и ноги, а женщинъ освободили. На другой день несчастныхъ мужиковъ нашли на дорогѣ, привезли въ госпиталь. „Теперь будете знать, какъ брать у меня людей!“ сказалъ секретарь, увидѣвъ ихъ“.

Вечеръ, 13 октября.

„Увы! мы напрасно думали, что довольно будетъ нѣсколькихъ часовъ для окончанія нашего плаванья. Теперь мы еще дальше отъ редута, чѣмъ были. Стремительная боковая качка, противный вѣтеръ и сильное теченіе не дали намъ покоя ни днемъ, ни ночью. Удары въ корму, недостатокъ воды принудили насъ спуститься въ какое-нибудь укрѣпленіе. Отъ Пицунды насъ отнесло еще дальше, и мы, пройдя Гагры, бросили якорь въ Адлерѣ. Съ утра, какъ нарочно, сдѣлался штиль—и мы едва-едва дошли до якорнаго мѣста ко второму часу. Досадно, что стихъ тотъ вѣтеръ, отъ котораго мы уходили.“

Наконецъ, часа въ три, мы съѣхали на берегъ и, разговорясь съ воинскимъ начальникомъ, я узналъ, что военныя дѣйствія уже начались, и что турки, измѣннически, до объявленія войны, напали на нашъ постъ ¹⁾ и вырѣзали казаковъ.

— „А у васъ покойно?“

— „Не совсѣмъ. Вчера была перестрѣлка и сегодня цѣлое утро“.— „Вы не туда пристали“ продолжалъ онъ: „и ежели бы это было утромъ, вы бы какъ разъ попали въ средину непріятеля, и мы не въ состояніи были бы спасти васъ, потому что горцевъ было чело-вѣкъ 150, и всѣ конные“.

Погулявъ въ крѣпости и около огорода, я зашелъ въ лавку имеретина, купилъ фруктовъ и спрашивалъ цѣну оружія. Но за пару обыкновенныхъ пистолетовъ и шашку просили 50 цѣлковыхъ. По правую сторону крѣпости живутъ мирные джигиты. Они, окруживъ меня, съ любопытствомъ осматривали мое двухличное пальто, удивляясь этому изобрѣтенію, его цѣнѣ, расспрашивали о войнѣ съ турками.

— „А вы боитесь войны?“ спросилъ я.

— „Съ убитыми—нѣтъ, а съ турками боимся“.

— „А мы-то на что?“ возразилъ я: „Будьте спокойны!.. Нашъ флотъ защититъ васъ“.

И они, сознавая справедливость моихъ словъ, съ гордостью смотрѣли на одного изъ своихъ защитниковъ.

Пока наши люди наливали воду, я сѣлъ около двухъ сол-

¹⁾ Приморскій постъ св. Николая, въ Грузіи, близъ турецкихъ границъ.

дать, рубившихъ дрова. Лица ихъ были блѣдны и зелены. Я спрашивалъ ихъ, куда они возятъ лѣсъ, весело ли имъ здѣсь, бываютъ ли стычки, много ли у нихъ больныхъ?

— „Мы лѣсъ рубимъ у мирнаго князя Гичъ; онъ намъ преданъ душою. И умный какой! Ежели бы не онъ, то негдѣ было бы и дровъ взять. Пришлось бы драться за каждое полѣно. Теперь хуже. Вотъ при З. ¹⁾ было лучше. Онъ изъ ихнихъ. Умѣлъ ладить. А теперь что ни день, то стычка. Нельзя безъ оружія выйти за крѣпость. Больныхъ у насъ лихорадкой много, а въ іюлѣ и августѣ были смертные случаи. Ужъ тутъ такое мѣсто: чуть оцарапаешь палецъ, сейчасъ прикинется гнить, ничѣмъ не залѣчишь. Бываетъ и цинга. У насъ весною умерло 50 чел. Да и въ другое время умираетъ довольно“.

Это ужасно! Изъ 250 человекъ каждый годъ здѣсь умираетъ $\frac{1}{4}$ жителей. И никто не кричитъ объ этомъ, между тѣмъ какъ въ Россіи 2, 3 человекъ больныхъ холерою, и всѣ газеты уже говорятъ объ этомъ.

Во время нашего разговора въ воротахъ крѣпости показалась толпа горцевъ. Впереди шелъ князь Гичъ, человекъ среднихъ лѣтъ, небольшого роста, худой, смуглый. Походка его была медленна, важная, глаза опущены внизъ. Остальные горцы, составляя свиту князя, шли сзади, подражая ему въ манерахъ.

— „Что это они? Вѣрно пришли просить о чемъ-нибудь?“

— „Нѣтъ! Должно быть посоветоваться съ комендантомъ. Его (Гича) братъ въ прошломъ году былъ убитъ въ дѣлѣ противъ убыховъ, и онъ остался единственнымъ владѣтелемъ огромнаго племени джигитовъ“.—„Это самая древняя и знатная фамилія“, прибавилъ здѣшній священникъ.

Черезъ полчаса послѣ этого я уже былъ на суднѣ и въ раздумьи смотрѣлъ на Адлеръ. Крѣпость — красива, каменная, съ четырьмя башнями; окружена тополями. Окрестности прекрасны, богаты растительностью, источниками. И все это можетъ исчезнуть въ одинъ день при нападеніи горцевъ: камня на камнѣ не останется отъ этихъ красивыхъ зданій и роскошныхъ тополей. И мнѣ стало грустно...

Однако, досадно, если война уже объявлена, а я не участвую... Дорого бы я далъ, чтобы быть теперь на фрегатѣ Коварна. Можетъ быть я еще поспѣю въ-время. То-то будетъ славно!..“

¹⁾ Слово перазобрано.

22 октября.

„Боже мой! Боже мой! Подумаешь, какимъ разнообразіямъ не подвергается человѣкъ! Чего не случается съ нимъ! А ежели онъ—военный, да еще морякъ, то невольно удивишься.

Напримѣръ, я вчера и третьяго дня гулялъ въ абхазскомъ лѣсу, за Кадоромъ, гдѣ рвалъ виноградъ и грецкіе орѣхи; сегодня въ Сухумѣ пишу рапорты и къ армейскому вѣдомству, нахожу участіе и гостепріимство у людей, мнѣ незнакомыхъ, съ гнуснаго купеческаго судна переѣзжаю на военную шкуну—обѣдать, гдѣ встрѣчаю людей, родныхъ по службѣ и воспитанію. На дняхъ чуть не попался въ плѣнъ къ туркамъ и былъ сегодня зрителемъ горестнаго и бѣдственнаго возвращенія парохода „Колхида“! Гдѣ взять словъ, чтобы выразить мою горестъ при этомъ видѣ!.. Гдѣ найти красокъ, для изображенія несчастной и печальной картины постыднаго дѣла подъ Никольскимъ! Куда отворотить глаза отъ посрамленнаго флотскаго мундира! Чѣмъ закрыть уши, чтобы не слышать справедливыхъ укоровъ постороннихъ людей!..

И такъ, слушай и плачь: третьяго дня пароходъ „Колхида“ съ десантомъ въ 250 человѣкъ солдатъ вышелъ изъ Сухума, чтобы осмотрѣть и, ежели можно, взять обратно нашъ пограничный постъ св. Николая. Вечеромъ того же дня, запеленговавъ редуты, они подошли ночью къ непріятелю. На ихъ опросъ, имъ отвѣчали ядрами. Боясь ошибиться, на пароходѣ проиграла три сигнала, на которые съ берега—на первый отвѣчали какъ слѣдуетъ, второй проиграла хуже, въ третьемъ горнисть сбился совсѣмъ, что было живымъ доказательствомъ, что здѣсь—непріятель. Желая еще болѣе удостовѣриться, посланъ былъ казачій баркасъ, чтобы переговорить съ ними или услышать перекличку часовыхъ. Но онъ былъ прогнанъ картечью. Оставя дальнѣйшія дѣйствія, провели ночь въ морѣ и къ утру опять поворотили къ берегу. Въ разстояніи одной мили видѣли лагерь и красныя фески турецкихъ войскъ, но командиръ пошелъ еще ближе, желая разсмотрѣть знамена, и въ 30 саженьяхъ, во время поворота.

Пароходъ сталъ на мель. Дали задній ходъ: стоитъ на мѣстѣ. Еще флагъ не былъ поднятъ, и турки нѣсколько минутъ не открывали огня. Мы какъ разъ попали затѣмъ подъ непріятельскій огонь двухъ батарей. Кормовое бомбическое орудіе не могло дѣйствовать, а главное было снято по случаю перевозки войскъ изъ Севастополя. Выждавъ немного, непріятель далъ залпъ изъ 12 орудій, который положилъ много убитыхъ и раненыхъ. На пароходѣ всѣ легли на палубу, чтобы скрыться отъ мѣткаго ружейнаго огня, которымъ осыпали всякаго, кто показывался выше борта. Въ это время мы

только что открыли крѣйтъ-камеру и зарядили орудіе; наши штуцерные расположились на бакѣ и ютѣ, чтобы отвѣчать неприятелю. Въ это время на пароходѣ былъ безпорядокъ ужасный, въ особенности между солдатами и армейскими офицерами, которые, при этомъ случаѣ, отрекомендовали себя дурно. Во все это время лейтенантъ Степановъ распоряжался вездѣ, и молодецъ. Для облегченія парохода пришлось бросить якоря, выбросить уголь, завозить верпъ ¹⁾—и все это подъ непрерывнымъ огнемъ. Капитанъ ходилъ по площадкѣ, ища смерти, и, тяжело раненый, былъ унесенъ назадъ. Къ ихъ несчастію они забыли свой верпъ въ Сухумѣ. Срубали фокъ-мачту—и пароходъ немедленно тронулся въ часу двѣнадцатомъ. Уже на берегу были спущены двѣ лодки съ десантомъ, чтобы завладѣть пароходомъ; но наши удачные выстрѣлы разбили ихъ. Въ это время лейтенантъ Степановъ былъ сильно контуженъ. Ему мы обязаны спасеніемъ парохода и тѣмъ, что нѣсколько поправили дѣла, разбивъ приготовленный десантъ неприятеля, и другими, значительными для него, уронами. Наша потеря простиралась до 50 человекъ убитыми и ранеными. Удивляешься, какъ еще остались живы другіе! Меня радуетъ, что наши матросы дѣйствовали прекрасно, и офицеры тоже. Рѣшено было, въ случаѣ крайности, взорваться. Въ это время, около Николаева должна была крейсировать эскадра Синицина (состоящая изъ двухъ фрегатовъ и двухъ пароходовъ). И—о позоръ!—ея не было. Наши суда были такъ далеко, что даже не слышали выстрѣловъ. Говорятъ, что они были тогда около Пицунды. Нашего адмирала обвиняютъ въ нерѣшительности и трусости. Такъ погибаютъ наши силы, наша честь, такъ начались дѣйствія нашего флота, на который еще далеко не обращено должнаго вниманія! Долго ли мы будемъ осуждать въ этомъ наше правительство? Или мы сами виноваты въ этомъ упадкѣ? Или все то, что не вылилось изъ жизни народа и только привито другими, такъ твердо пускаетъ корни? Пускай другіе рѣшаютъ эти вопросы, а намъ остается повѣсить голову и сожалѣть о томъ, что нами управляютъ такіе люди...

Послѣ этого извѣстія грусть все время страшно давила и мучила меня. Мнѣ было такъ больно и стыдно, какъ будто-бы я самъ это сдѣлалъ. Въ это же время, спрашивалъ я себя, сдѣлалъ ли бы я лучше, будучи на его мѣстѣ? Къ несчастію, не могу дать положительнаго отвѣта — такъ мало моихъ знаній и такъ велика моя нерѣшительность... Можетъ быть, я надѣлалъ бы другихъ глупостей.

¹⁾ Верпъ—маленькій якорь.

Теперь остается одно утѣшеніе, какъ древнимъ римлянамъ: это—смерть, потому что жизнь при такой обстановкѣ невыносима.

Р. С. Пароходъ потерпѣлъ значительныя поврежденія: признають приблизительно до 120 или 200 пробоинъ. Три раза тушили пожаръ. Къ счастью, что машина осталась цѣла, что пароходъ былъ деревянный, и что неприятельскія ядра были малаго калибра (12 фунт.), а, главное, что тамъ (на нашемъ пароходѣ) былъ Степановъ, молодецъ, право, молодецъ и безспорно герой этого дня. Я его видѣлъ съ подвязаннымъ лицомъ, израненаго, утомленнаго. Все-таки мнѣ пріятно было посмотреть на него. Это первый видѣнный мною человекъ, осыненный славою“.

1854 г., 26 января.

„Но судьба какъ будто готовила мнѣ утѣшеніе, за мои прежнія страданія. Возвратясь въ Севастополь (15-го декабря), мнѣ пришлось видѣть еще другого героя этой войны, лицо, конечно, болѣе замѣтное, какъ по прежнимъ заслугамъ, такъ и по положенію въ свѣтѣ, человека, котораго я всегда уважалъ, чувствуя къ нему особое расположеніе. Это былъ П. С. Нахимовъ. Едва мы вошли въ Севастопольскую бухту, какъ вѣсть объ истребленіи турецкаго флота на Синопскомъ рейдѣ ¹⁾ немедленно дошла до насъ“.

Апрѣля 27.

„Все это время нашъ флотъ стоитъ на рейдѣ. Война съ Англійей и Франціей объявлена ²⁾. Соединенные флоты, послѣ неудачныхъ опытовъ въ Одессѣ, около мѣсяца крейсируютъ передъ Севастополемъ. Я думаю, что они навѣрное не войдутъ; но трудно угадать, на что они рѣшатся. Наша армія въ мартѣ перешла Дунай, но далеко ли подвинулась—не знаю. Говорятъ, что Австрія, Пруссія и Швеція тоже объявили намъ войну. Если это — правда, то намъ будетъ тяжело“.

Нельзя не согласиться, что мы живемъ въ интересное время. Жаль, что мы не можемъ имѣть вѣрныхъ свѣдѣній; было бы любопытно. Въ это время, по большей части, я скучалъ; но были и пріятные дни, напримѣръ, наши встрѣчи съ К. Да больше, кажется, не было. Я удивляюсь своей слабости. Въ это время я проигралъ довольно денегъ, и все еще не могу бросить картъ. Все мой предположенія на счетъ будущаго едва-ли когда-нибудь сбудутся, и что со мною будетъ—я самъ не знаю. Мѣсяць тому назадъ, я бросился на брандеръ, ища хотя временной свободы, а потомъ—смерти.

¹⁾ 18 ноября 1853 г.

²⁾ 15 марта 1854 г.

Очень многіе удивлялись моему намѣренію. Одни говорили, что я хочу отличій. Другіе удивлялись, спрашивали,—что за цѣль?!—Конечно, я не сказалъ настоящей причины. Да и не къ чему!.. А время идетъ да идетъ. Неужели для меня не будетъ той жизни, какой я хочу?!. Неужели мы такъ слабы, что не въ силахъ добиться того, о чемъ думаемъ всю жизнь“?!

19 мая.

„Я люблю Севастополь вечеромъ, въ лѣтнее время, когда графская пристань, на берегу моря, полна гуляющими. Военные пѣсельники, хорошая музыка развлекаютъ общество. Иногда видишь хорошенькія лица. Здѣсь всѣ знаютъ другъ друга—ежели незнакомы, то въ лицо. Тутъ можно встрѣтить всѣхъ, кого хочешь; всевозможныя новости мгновенно узнаются, начиная съ политики, службы до семейныхъ включительно. Потомъ компаніями идутъ въ клубный садъ—ужинать. Столы—на открытомъ воздухѣ; зажженные свѣчи; шумъ приборовъ; общій говоръ; смѣхъ; запахъ цвѣтовъ и свѣжесть зелени. Все это—очень приятно. И, ежели я, со временемъ, оставлю Севастополь, то буду жалѣть только это и здѣшнюю библіотеку ¹⁾. Это — недавно возрождающееся зданіе, снаружи украшенное прекрасными статуями, сфинксами и садомъ. Внутри—отдѣлка безукоризненна. Книгъ будетъ до 40 тыс. экземпляровъ; литературныхъ рѣдкостей—мало, выборъ выписываемыхъ книгъ несовсѣмъ удаченъ (больше всего здѣсь романы). Зато всевозможные газеты и журналы—на всѣхъ языкахъ—составляютъ истинное удовольствіе. Сколько часовъ я провелъ здѣсь, слѣдя за какой-нибудь прочитанной идеей! Сколько спокойныхъ минутъ, сидя въ удобныхъ креслахъ, задумавшись о многомъ—среди общей тишины газетной комнаты! Да, о библіотекѣ я тоже буду жалѣть, оставляя Севастополь! Жаль, что она становится мала для всѣхъ вещей, которыя помѣщены въ ней. И со временемъ она превратится въ разнообразный музеумъ, который потребуетъ новаго зданія. Тутъ все есть: модели кораблей, пароходныхъ машинъ, картины морскихъ битвъ, турецкое оружіе, взятое въ Синопѣ, модели рангоута, коллекція окаменѣлостей, собранія древнихъ медалей, металловъ, минераловъ (крымскаго мрамора 10 сортовъ), обдѣлка лѣсовъ, употребляемыхъ для кораблестроенія. Все очень любопытно и занимательно для многихъ посѣтителей. Библіотека построена на возвышенной точкѣ города, откуда далеко видно кругомъ: внизу, на горахъ, разбросанъ городъ, прорѣзанный южной бухтой, гдѣ стоятъ разрушенныя суда; лѣвый—рейдъ, на которомъ стоитъ весь

¹⁾ Основана адмираломъ Грейгомъ.

нашъ флотъ, готовый, по первому сигналу, вступить въ дѣло. На этихъ корабляхъ не одно сердце горитъ желаніемъ—помѣряться силами съ англичанами, которые такъ долго были нашими учителями. Еще лѣвѣе—рядъ батарей, столь грозныхъ для непріятелей, и въ то же время составляющихъ укрѣпленія рейда. А тамъ, пройдя Новую Землю, языкомъ вдающуюся въ море, виденъ Херсонскій маякъ—предметъ всеобщаго вниманія судовъ, возвращающихся изъ Сухума или дальнихъ плаваній. Но теперь онъ осиротѣлъ, ночью наши моряки не видятъ его отраднаго огня; онъ какъ будто не ждетъ гостей; даже самые створные маяки надѣли трауры, какъ бы раздѣляя грусть своего товарища.

А намъ развѣ не обидно быть запертыми, когда самые маяки скучаютъ! Развѣ насъ не трогаетъ за живое видъ тридцати судовъ подъ аглицкимъ, турецкимъ, французскимъ флагомъ, дерзко крейсирующихъ въ виду рейда и нарушающихъ наше плаваніе въ шумную Одессу, гдѣ мы тратимъ столько денегъ на безчисленные предметы роскоши и на итальянскую оперу! Кто-то оживляетъ теперь ея пристани? Вѣрно Захаръ Юрьичъ скучаетъ безъ насъ. Уже не приходятъ изъ Николаева транспорты, везя лѣсъ, смолу, такелажъ парусину; уже не видать въ домахъ маринованной рыбы, рѣчныхъ раковъ и другихъ домашнихъ продуктовъ, составляющихъ предметъ вѣчныхъ хлопотъ маменекъ и тетенокъ. Николаевъ, родной городъ Севастополя, разлученъ съ нами! Уже не видать по пятницамъ пакеботнаго парохода на рейдѣ, около котораго толпятся ялики съ пассажирами и товарами. Прекрасные букеты цвѣтовъ, привозимыхъ изъ Ялты, уже не украшаютъ нашихъ оконъ. Бывало, какъ пріятно было видѣть нашу дивизію на Ялтинскомъ рейдѣ; моряки на коняхъ кавалькадами спѣшатъ, кто въ Масандру, кто въ Алупку; на рынкѣ—толпы матросовъ шумятъ около грудъ черешенъ, вишенъ, арбузовъ, дынь; татары кричатъ, предлагая верховыхъ лошадей, крымскій табакъ; вездѣ видны дамы, пріѣхавшія издалека подышать воздухомъ русской Италіи. Потомъ, возвратясь на корабли, сколько рассказовъ, анекдотовъ! Чудо, какъ весело!... Теперь уже не то. Мы на время прикованы къ Севастопольскому рейду цѣпями. И какъ тяжело, какъ невыносимо! Кто смететъ эти цѣпи! Когда подымутся паруса и корабли пойдутъ въ свои милые порты, на примѣръ, въ Феодосію,—этотъ цвѣтникъ хорошенькихъ женщинъ? А кто не знаетъ Феодосію по картинамъ Айвазовскаго—съ древними его стѣнами! Въ настоящее время и она приняла грозный видъ. На бульварѣ вмѣсто дамъ видны орудія, готовыя встрѣтить незваныхъ гостей... А Керчь! А весь Кавказскій берегъ!... Увы, прекратилась на время наша кавказская практика и грузинское довольствіе! Прощай, Су-

хумъ со своими духанами и чихиремъ, прощай, собраніе, гдѣ мы веселились, и наши кавалькады въ Киласуры и въ Марамбу! Прощайте, береговья укрѣпленія, гдѣ пріятно было встрѣчать постоянное радушіе и вниманіе къ нашимъ крейсерамъ!

Но ужели мы оставили безнаказано эти проклятые соединенные флоты? Неужели намъ не дадутъ съ ними помѣряться и сказать синопцамъ, что не вы одни умѣете бить непріятеля и хвастаться вашими наградами, что и мы сумѣемъ перещеголять васъ!... Неужели мнѣ придется умереть, не видавъ англійскаго флота, взятаго съ бою? Нѣтъ, это—ужасно, это невозможно! Мы не хотимъ этому вѣрить“...

20 іюня.

„На-дняхъ я былъ въ монастырѣ ¹⁾. Мы вышли изъ Севастополя часу во второмъ, и было довольно жарко. Всѣ поля цвѣтутъ. Прекрасный ароматъ. Жаль, что я не знаю ботаники! Мы пришли къ вечернѣ. Странно, что я молюсь только здѣсь. Это—дикая природа, прибой волнъ, зелень и всеобщая тишина невольюно располагають къ молитвѣ. Мои просьбы, мольбы были тѣ же, что и прежде. Въ это время въ церкви были только два лица: какія-то дамы очень усердно молились. Одна изъ нихъ высокая, стройная, молодая женщина, въ траурѣ, особенно привлекла мое вниманіе. Мнѣ кажется, что я гдѣ-то видѣлъ это смуглое и выразительное лицо. Но мнѣ никто не могъ сказать, кто это такая. Потомъ мы пошли пить чай къ отцу Михаилу. Я всегда любилъ бывать у него. Сколько кротости и набожности въ этомъ человѣкѣ! Мнѣ кажется, что сердце его совершенно чисто. Иногда, когда я оставался ночевать у него, то онъ вечернія молитвы читалъ вслухъ—и въ его голосѣ было столько убѣжденія, столько искренности, что какъ будто-бы каждое слово произносилось отъ сердца!... Я невольюно становился на колѣни и также молился.

Вообще въ этотъ вечеръ я былъ въ хорошемъ расположеніи духа, если бы не испортилъ всего о. Макарій. Этотъ человѣкъ—вѣчно съ жалобами; у него постоянные процессы и непріятности съ нашимъ начальствомъ, и я, поневолѣ, долженъ былъ его слушать.

Въ тотъ же день мы воротились въ городъ“.

17 іюля.

„Давно я не говорилъ откровенно съ своимъ журналомъ. Но что я скажу ему отраднaго? что я схожу съ ума отъ скуки; что я не знаю, за что взяться и на чемъ остановить свое внима-

¹⁾ Вѣроятно, въ Георгіевскомъ монастырѣ.

ніе. Боже! Куда я только не бросался, чего я только не задумывалъ! Занимался я ботаникою, химіей, физикою, философіей, итальянскимъ языкомъ, литературою, исторією, механикой—и все это бросилъ, не кончивъ, не видя цѣли своимъ занятіямъ. Какихъ не было у меня плановъ. То думалъ я бросить службу и жить съ родителями въ деревнѣ, усталый отъ суеты, изъ которой ничего не вынесъ кромѣ утомленія. То я хотѣлъ снова жить, отправиться за границу, чтобы все видѣть, все знать. Ужасно видѣть возможность всѣмъ этимъ пользоваться и быть въ то же время прикованнымъ къ этой проклятой морской жизни, видѣть столько хорошаго и не имѣть силъ привести въ исполненіе сотою доли, не видѣть никакого утѣшенія впереди и нигдѣ, быть постоянно одному и въ разладѣ съ самимъ собой!... Все это—ужасно, невыносимо!... Боже, зачѣмъ мнѣ данъ умъ?—чтобы понимать то, чего бы желалъ никогда не знать. Зачѣмъ далъ мнѣ сердце?—чтобы чувствовать вездѣ и всегда тоску. Зачѣмъ у меня способности?—чтобы убить ихъ. Зачѣмъ я живу и почему не исполняется моя единственная надежда—смерть, объ которой я такъ часто и такъ искренно прошу?! И на мое несчастье нѣтъ ни одного сраженія, ни одного случая, гдѣ бы кончилась моя жизнь!...

Многимъ это покажется малодушіемъ; но они должны согласиться со мною, что жалѣть многого, предпринимать многое и видѣть свое безсиліе, отсутствіе терпѣнія—это наказаніе страшное, и не дай Богъ никому этого испытать. Въ то же время я еще молодъ: мнѣ 25 лѣтъ. И нѣтъ жизни!“.

„Не разъ я слышалъ о развалинахъ генуэзской крѣпости Мангунъ въ окрестностяхъ Севастополя. Говорятъ, тамъ есть много любопытнаго, но все нѣтъ свободнаго времени“.

„Вчера я былъ на вахтѣ, на фрегатѣ Коварна: мы вооружались. Вечеромъ работы приходили къ концу. Вся эта морская галиматья и пустота мнѣ надоѣла страшно“.

Въ бумагахъ покойнаго сохранилась записочка (отъ 18 ноября 1854 г.), слѣдующаго лаконическаго, но краснорѣчиваго содержанія:

„Въ случаѣ моей смерти прошу эту тетрадь (дневниковъ) и всѣ мои бумаги передать сестрамъ.“

Лейтенантъ 44-го флотскаго экипажа князь Ухтомскій“.

Сообщ. А. В. Жиркевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).